

18+

Л. Ч. Филатова



БАБОЧКА ПОД
СТЕКЛОМ

Людмила Филатова

**Бабочка под стеклом.
Литературно-перестроечный
коктейль с ощутимыми
нотками мистики и криминала**

«Издательские решения»

Филатова Л.

Бабочка под стеклом. Литературно-перестроечный коктейль с
ощутимыми нотками мистики и криминала / Л. Филатова —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-538100-2

Иногда наложишь на занимательный сюжетец себя, и всё по-иному
покажется... Встречи с известными поэтами и писателями, живыми и....
Лёгкий юмор. Россыпь авторских афоризмов и философских находок.
Реальное и запредельное. Тема демона любви в судьбе главной героини.

ISBN 978-5-00-538100-2

© Филатова Л.
© Издательские решения

Бабочка под стеклом

Литературно-перестроечный коктейль с ощутимыми нотками мистики и криминала

Людмила Филатова

© Людмила Филатова, 2021

ISBN 978-5-0053-8100-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ГЛАВА I. КАЛУЖСКОЕ И НЕ ТОЛЬКО

В это ясное октябрьское утро Елена Сергеевна Белая – «Ленок наш», как в шутку окрестили её в издательстве, откинув тёплое одеяло, героически прыгнула на ледяной пол!

– Не топят гады...

Жизненные силы, с вечера уныло расплзшиеся по углам, тотчас, толкаясь и дурачась, заняли в её сладко потянувшемся теле свои рабочие места.

– Теперь бы ещё – минералочки...

Ведь только перекусишь с утра, и – прощай таланты: все в желудке спрячутся и будут там до ночи сибаритствовать. Нет, только – водичка! Вот тогда весь мир, только что посланный из-под одеяла к чертям, благополучно вернётся от них – целёхонек, чтобы весь день жонглировать причитающимися тебе кошмарами и удовольствиями.

Елена быстро оделась и, прибрав, конечно же, кое-как – чтобы не было стыдно, когда вернёшься, – подхватила сумку «всё своё ношу с собой» и – фрр...

– Ах... – Распахнув дверь, зажмурилась она. – День-то какой! Просто – ах!

Она любила эти воскресные бредущие полёты по городу, особенно вечерние, когда во всём – необъяснимая тайна меняющихся, будто вытекающих друг из друга образов, бликов и световых пятен. Душа её мгновенно заходила от всего этого, как сердце от любовного томления...

И ей, казалось, уже похоронившей себя под чужими рукописями и собственными невоплощёнными амбициями, тотчас хотелось и самой влиться в эту восхитительную фантазмагорию, растворившись в ней без остатка.

– Калуга моя, роднулечка, – с придыханием шептала она, блуждая по любимым улочкам и закоулкам... – Лишь теперь тебя и разглядела... А раньше – как сквозь мутные очки, по молодости, наверно.

Молодость, она ведь только собой занята, потому и слепая. А созрела душа, и всё – словно в кровь вошло: и люд заводской, и богема местная, и молодёжь, хамоватая правда, но с душой!

Улочки, дворики, садики... Старинные фасады, полу облупленные, Гостиные ряды, как в Питере. Мост, ещё каменный, над Березуем и островок старинного парка над окским обрывом.

А больше всего – Воробьёвка: крутой спуск с ветерком под подол, подростки с удочками, катера у причала, узкий дикий пляжик с завсегдатаями.

Куда ни глянешь – всё близкое, родное. Там – что-то хорошее с тобой случилось, тут – тоже! А почему, спросите, только хорошее? Да потому, что это молодость была!

Столько порывов, чаяний...

Вот здесь, в панельном, у реки, подружка живёт, актриса драматическая! А в этом, кирпичном, у церковной башенки, литераторы местные собираются, провинциальную литературу двигают...

Ой, река моя, Ока, ты – калачиком рука... Все-то к тебе тянутся, а некоторые и вообще без тебя не могут, как я, например.

Ведь если – вон туда, берегом, берегом, да чуть пониже... Там дорогие мои Кувшиновы станцию лодочную сторожат, собакам кашу на плитке варят. И стоит в реку войти, на спину лечь, прямо к ним течением и принесёт. Встречайте, дорогие, ещё одного мокрого поселенца!

А по вечерам, когда стемнеет, – огоньки на Оке, дрожащие. Иномарки у портового кабачка, сгрудившись, жуками перегретыми дремлют. И «ночные бабочки», ну, те самые, – в чём-то невероятно воздушном... Вроде, и в одежде, а, в общем-то, – голые...

Музыка. Смех. И такая тоска накатывает по твоему уходящему, такому короткому, женскому времени. Прощайте поцелуи в росе и жасмин до одури. Здравствуй, мороженое со слезами и туфли на низком каблуке. Скорей бы уж лето, скорей, – коротко передохнула Лена, – когда...

Оки божественное ложе опять цветёт по берегам,
и я, но лишь чуть-чуть моложе, лечу на глассере, вон там...

Не хочет душа смириться. Всё ещё на что-то надеется... Может, постоянное ожидание чего-то, это и есть – молодость? Но тогда мне – ещё только... Ах, не будем, не будем...

Шагнув из подъезда, она опять чуть не подвернула ногу, но сумку всё-таки уронила.

– Надо же, Бог шельму метит! Ох уж эти «бальзаковские» бреющие полёты... Уже не по верхушкам облаков, как прежде, а прямо – по головам! Того и гляди, чью-нибудь сне-сёшь!

Бойтесь мужики сороковой бабы, но не той, которая у вас по счёту сороковая, или которой недавно за сорок, а той, что вам самим на пятом десятке подвернётся, тогда – держись!

Но бывает, что и у вашей «сороковой» – голова долой! А без «крыши», – сами понимаете... Вот, скажите, куда меня опять несёт?..

Под козырьком ближайшего киоска кудрявый дедушка с прозрачными глазами, как всегда, торговал парниковыми цветами. «Купи!» – казалось, убеждал его взгляд. – «Ведь для таких, как ты, и сажаю, остальным – плевать!»

– Купила, – желтоголовую хризантему на короткой ножке – мини-солнышко.

За углом, еле увернувшись от слюнявого, плотоядно ухмыляющегося бульдога, невольно задела высокую, прямую как жердь, монашку с надменным индюшачьим лицом.

– Тоже мне – Божья слуга... Господь, он – для всех!

Значит, и слуги его должны быть – для всех: любить, привечать нас несчастных и заблудших. Может, и спасёмся!

Ведь как без веры-то, особенно в наше время? Да и как не верить, если только соберёшься, ну как сегодня, например, «куда не надо», так обязательно встретишь на пути или священнослужителя или монашку, вот такую!

Мол, одумайся, раба божья, и реши, наконец, хотя бы для себя – надо тебе это или нет?..

Как-то достали Елену неприятности – и по службе, да и семейные, куда от них деться-то, выскочила она из дому, в чём была, и – к отцу Александру в Ромоданово, подруги посоветовали. А он и спрашивает:

– Стишки да всякую чушь, Богу не угодную, пописываете?

– Бывает... Работа такая.

– Ну, вот! Так я и думал. А ведь это – демоническая вдохновенность, разрушающая устои и государства, и семьи, да и самостояния человеческого.

Избранной себя возомнили? Гордыня это, самый тягчайший из грехов смертных!

На обратном пути Елена чуть под машину не попала...

И что – думаете, помогло? Чуть погода, опять – за своё! Что ни минутка свободная, за машинку, и – ту-ту...

– Ведь без самости моей, – убеждала она себя, – что от меня останется-то? Так, скорлупка одна. Ведь истинная вера, это – полная самоотдача! А я уже – отдана... Как раба служу. Как госпожа царствую... Вот и думай теперь – как быть?

Да и не сама же я – эту стезю себе выбрала? Ничего ведь без него, Отца нашего, не деется. Так ведь?..

И тут вдруг вспомнилось, как, уже разменяв тридцатник, она решила окреститься в маленькой таруской церквушке, хотя, в общем-то, и не вдруг. Давно думала, да не решалась. Один вопрос донимал, довольно каверзный:

– Если веришь в единого Бога для всех, имеешь ли право принять православие?

Ведь так хорошо ей было со своим Единым богом, поддерживающим всё лучшее в человеке, да ещё и присматривающим за сохранностью всего, этим трудягой наработанного.

– Ни суеты, ни зависти. Да и пробиваться никуда не надо. Всё в ноосферу и так уходит!

Легко от этого становилось. Полная свобода духа и творчества.

А православие ведь – жёстче. Того нельзя, этого... А как писать с постоянной оглядкой? Ведь без «чёрного» и «белому» не бывать! Это и глодало её тогда. Одно успокаивало, что, скорее всего, её Единого Бога на Руси Иисусом Христом зовут, мол, какая же тут измена? Да и нельзя же, от своего народа в стороне, – чужаком стоять!

И вот ехала она, именно об этом размышляя, в Тарусу, на Цветаевский праздник. Приехала на скамейку автобусной остановки, и вдруг подходит к ней монашка и говорит:

– В Бога верит не разум, а твоя бессмертная душа. Она его видела... Что задумала, девонька, то и делай. Греха не будет.

Сказала, и в толпе растаяла. А тут и автобус подошёл.

Приехала Елена в Тарусу, и сразу – в церковь.

Вошла, и тотчас виноватой себя почувствовала, что так давно не была. А церковь – вся в лесах стояла: только восстанавливать начали. Внутри – половички домотканые, рушники, тазик медный на керосинке: воду для малышей подогревают. Желаящие креститься в рядок стоят, босиком. Лица у всех светлые.

Смотрит она во все глаза, будто в раннее детство вернулась. А тут бабушка-служка подходит и говорит: «Что, стоишь? Может, креститься хочешь?». «Хочу».

«А крестик-то у тебя есть?». «Нет». «Так иди, купи, и свечку ещё».

Пошла, купила, да и все деньги, что с собой были, на восстановление храма отдала. Поставила её бабушка последней в общий ряд. Подходит батюшка и спрашивает: «Крещение принять хочешь? А где ж твоя крёстная мать?» «Нету», – отвечает. «А коли нету, то в другой раз придёшь». Елена чувствует, что нельзя уйти, ведь столько лет решалась...

А тут совсем молоденькая женщина, что ребёнка крестить принесла, говорит: «Я буду ей крёстной матерью».

Елена обрадовалась, а батюшка ей: «Крёстную мать с улицы не берут». И тут набралась Елена храбрости: «Да ведь она же ко мне в церкви подошла! Её мне Бог послал».

В общем, окрестил он Елену, сердито, но окрестил. Вся мокрая из церкви вышла. И тут её крёстная мать и спрашивает: «А почему вы именно здесь креститься решили, вы ведь из Калуги?»

Не стала Елена про свою монашку рассказывать да про сомнения прежние, а ответила то, что прямо тут и пришло, и куда вернее оказалось:

– Я ведь – пишу... А в эту церковь сёстры Цветаевы ходили. Она мне вдвойне родней.

И тут обняла её крёстная мать и говорит: «А знаете, как меня зовут? Мариной. А живу я – на улице Цветаевой», – взяла у мужа ребёнка, поклонилась, и пошла.

...И тут Елена вдруг видит, что стоит уже в Калуге, посреди тротуара, и улыбается.

Монашка-индюшка, словно что-то почувствовав, всё-таки обернулась. И глаза у неё потеплели. И губы обмякли...

– И чего я – на неё, уж так? – устыдилась Елена, – хотя...

Когда народу плохо, соборы да церкви как грибы растут. Вот и у нас: старообрядческая – у тюрьмы, католическая – у кладбища, а протестантская, если б удалось – у рынка б стояла.

И, что интересно, все норовят на старых православных фундаментах обосноваться! Крепкие они, видать, никакие катаклизмы их не берут!

Вот и не дали наши верующие протестантам, по слухам липовым, – количество апостолов у них не то! – себя потеснить.

Восстали! Пикеты даже по ночам стояли. И отобрал город у нечестивцев почти готовый храм. Дом музыки теперь в нём. Даже орган закупили!

Наверное, богатенькие подмогли, достаточно за нас счёт обогатились, чтобы нам же и благодетельствовать.

Обмяк народ, обезволил от нищеты перестроечной, всякой подачке радуется, за любую малость благодарит.

А город – наоборот, прямо на глазах всё краше становится. Обустроивается... Стараясь собственнички, друг перед другом выпендриваются. Скоро развалюшек днём с огнём не сыщешь. Куда тогда московским киностудиям на съёмки выезжать? Калуга-то поближе. Да и подешевле у нас.

Елена пересчитала в ладони мелочь. На кофе «Три в одном» уже не хватало, только на – один в одном...

– Но гулять-то – пока никто не мешает, да и дышать тоже. Но видно ненадолго. Водой-то – уже всюю торгуют...

Возле универсама, на Кирова, невольно загляделась на нищего в годах. Глаза у него... забалделые какие-то, будто подтаявшие или вылинявшие, но явно не от наркоты или спиртного, а от чего-то более возвышенного, что ли...

Голубые, светлые-пресветлые, и смотрят – так, в пространство... Рукой помахивает, будто дирижирует, аж лохмы – последние, что остались – по ветру треплются.

На светофоре перешла, а на той стороне ещё – побирушка, но из бывших интеллигенток. Если, конечно, интеллигенты бывшими бывают... Сидит на асфальте бочком. На виске косичка заплетена, а в неё искусственные колокольчики вдеты. А бабе – явно под пятьдесят. Перед ней иконка лежит и щербатая чашка старинного фарфора. Щёчки у мадам красненькие, печёными яблочками, лицо пропитое, дальше некуда, а рваная ветровка, надо же, – расстёгнута, и с плеча

спущена. В общем, жутко романтическая бомжиха! Я ей последние два рубля отдала. Чудеса надо поощрять, а то переведутся!

Погуляла я по рынку, возвращаюсь, а парочка моих бомжей объединилась и уже на его территории воркует.

В глаза друг дружке заглядывают, целуются, стесняясь, как дети, ей богу... А слова какие говорят?.. Такие мне и не снились, правда, с матерком немножко.

Барыши подсчитали, и пошли за «красненьким». Он костылём гремит, она на другой руке повисла, голову с колокольчиками на мужское плечо положив.

Никакого сомнения – любовь! Аж завидки взяли...

Может, в бомжи податься? – наконец, оторвала от них взгляд Елена, – для этих ведь – никаких возрастных цензов: подопыют, и все – молодёжь...

Наконец, «солнышко» на коротком хвостике обмякло и повисло, как мячик на резинке. В детстве Елена играла таким часами, он не мешал думать.

А думала она всегда. «Ведь размышление... – записала она как-то, – это доверительная беседа с самим собой, правда, если ты хоть сколько-нибудь себе интересен...»

Лишь теперь, к сорока, наконец-то поумнев, Елена поняла, что ум в енщине, это – дурь! – Ведь глупость – признак молодости...

А кому из баб не хочется выглядеть помоложе?..

Сделай коровьи глаза, приоткрой рот, смотри мужчине в переносицу, молчи и слушай. Ах да, ещё восхищайся всем, что он несёт, даже мутью беспросветной!

И похорощеешь да и помолодеешь для него – сразу лет на десять! Не веришь? Попробуй! Работает без промаха.

Нагулявшись до сырых ног и севшего голоса, Елена, наконец, с трудом открыла свою ободранную дверь:

– На редакторскую зарплату хрен покрасишь... Они – муж Аркашка и псина соседская – по очереди её царапают. А что?.. Не сюда, так туда пустят. Соседи хорошие попались, всегда выручат.

Забравшись с ногами в кухонное кресло, она обхватила ладонями горячую кружку и, сделав глоток, сразу сомлела...

В прихожей вякнул звонок, и раздался тихий виноватый стук: мол, впустите гада, это я, но таким «я» – больше не буду!

– Это муженёк, бывший. Развелись жизнь назад, а разъехаться – ни сил, ни денег, – зябко зевнула Елена, – насосался вчера до состояния риз... Пол ночи скрёбся под дверью.

Три раза, глядя в глазок, задавала ему один и тот же вопрос: «Ты в уме, или – без? Если в уме, то Расскажи про Липатова».

Липатов – это глава Аркашкиной микро-фирмы, «глава», которую он боготворит, и может восхвалять её, да и себя заодно, до самого утра, поминутно вваливаясь в Еленину комнату на гуттаперчевых ногах, выпучивая глаза и брызгая слюной.

«Расскажи про Липатова», это – тест на лояльность.

Если начнёт рассказывать, значит, в ум ещё не пришёл – буен, опасен, и лучше не открывать. А если не говорит про своего шефа и их общие миллионы, а ноет, что устал и хочет в койку, – можно запускать!

– Ну, вот... Даже отдыхать расхотелось! Отрицательная энергия тоже – толчок к творчеству, почти подзатыльник! – Елена притянула к себе стопку оставшейся с прошлого вечера бумаги.

На первом листе уже было напечатано: «Крыша, которая не улетит... Из ненаписанных дневников. Пятница».

– И когда это – я?.. Ничего не помню! Возраст средний, а память девичья! Ну, что ж... Крыша, так крыша!

Только – брехня, что уже не улетит. Ещё как улетит, бетонной плитой не удержишь! Плевать она хотела и на возраст, да и на всё остальное!

...Но от этого Игоря надо бы – подальше! Патология... Мёд для творческих дам-с. Как мушки на таких летят. А мы похитрей будем...

Возьмём, да и определим этого Игорька в главные герои нашей «бредятины из Упанишад»! Грехи на бумаге – сколько хошь, а «отвечать бабушка будет». Лучший способ спустить пар!

И её тотчас перенесло на неделю назад, в лит. студию, и опустило на тот же стул в тот же самый час.

Скрипнула дверь, и вошли трое: один – балетный мальчик, с явно тяжеловатым для столь утончённого существа взглядом, другой – скорее всего, бармен из кафе средней руки или принаряженный рубщик мяса, а следом – амбал в синем свитере и чёрной кожаной куртке – тот самый Игорь...

Голова его шевелила губами на такой высоте, что взгляд не сразу дотягивался до неё. Казалось, поэтический семинар посетил «всадник без головы» или пострадавшая при перевозке статуя Командора.

Лена так и общалась около получаса только с первой парочкой, не удосужившись дотянуться взглядом до этой заблудившейся под потолком головы.

А она, при ближайшем рассмотрении, оказалась очень даже ничего! Особенно глаза и губы.

Глаза – откровенные, и тут же пугающиеся своей откровенности, уходящие в надменность и даже в презрение к тому, что может выдать их ранимость.

А губы – прямые, жёсткие до первого слова, и нервные, дёрганые, слегка перекошенные, когда их спускают с невидимой цепи.

Тут тебе – полный комплекс: и гордыня, и слабость, почти детская, и жестокость в самообороне – ударить в больное место и спрятаться в створки раковины – поди, достань! И подглядывать потом из щёлки – достал или нет?..

– Нет уж, поберегите-ка вы, молодой человек, свои странности для какой-нибудь другой дурёхи! Их ещё много на Руси – охотниц до нервотрёпки...

Лена впустила сырого с ночи, припахивающего псиной, Аркашку. Он мигом проскочил в свою комнату и затих. Наверное, задрях под одеялом – одетый, конечно!

Но это ненадолго. Через час, в лучшем случае два, он загремит на кухне кастрюлями и будет громко сокрушаться у пустого холодильника:

– У меня есть жена или нет?..

– Брянский волк тебе – жена! – как всегда, усмехнётся Елена и опять погрузится в эмпирию.

– Эмпиреи, это – «писанина», своя или чужая, в ней – жизнь! А вне её – «бытовуха», черт бы её побрал! Но «эмпиреев» без «бытовухи» не бывает. Небо должно быть привязано к земле хотя бы тонкой бечёвочкой, иначе улетит.

Закрыв входную дверь на задвижку, Елена вернулась на кухню. Чай остыл.

– Вот собака! – попеняла она Аркашке, – ну не даёт жить! Листы оказались закапанными тёмно рыжим. – Успел-таки отхлебнуть! Словно корова пролетела... – она с сожалением выплеснула остатки в раковину.

– Так на чём я остановилась? Ах, да...

Отыскав последний абзац, пометила его ногтем: ручек и карандашей у пишущих днём с огнём не сыщешь.

– Ох, и странная же вы личность, мой главный герой! Заведёте вы меня в философские бредни, ох заведёте!

А туда ходить не надо – табу! Читателю это не понравится, да и издателю тоже. И вообще, пора уже, пора – ближе к телу! Как можно ближе, но не до пошлости: пошлость и литература – вещи несовместные. Но без тела, увы, – плакал аванс кровавыми слезами...

Печатная машинка «Москва», списанная издательством при компьютеризации, жадно всхрипнув, проглотила Еленин взгляд, втянула в себя её бледные сухие пальцы, извините, с обкусанными ногтями, потом руки до локтей, а потом и саму Елену, и выплюнула всё это только через пять часов.

Очнулась она среди ночи. Аркашка громко «лакал» из-под крана.

– У... пьянчуга чёртов! – расправив плечи, потянулась Елена. – Всё водяру свою сосёшь?.. Когда ж она тебе поперёк глотки встанет?!

Аркашка пил уже лет пять. А ведь дельным инженером был: патентами весь туалет оклеен. Но, не те времена... Эра приспособления.

Если б не пил, давно б с работы вылетел! А так, важных заказчиков спаивает. А это, как оказалось, хорошо оплачивается. Да и кто теперь не пьёт?..

– Вот у Катьки, подружки, – вдруг вспомнила Елена, – муж бизнесмен до того допился, что у ней, бедной, терпелу уже не было – ушла. Ушла, а он повесился!

Да неудачно, если так можно выразиться, – труба в ванной оборвалась.

Катка зашла за вещами и застала мужа сидящим на полу с обломком трубы на шее... Уткнулся – ей в ноги:

– Не бросай меня! Я что-нибудь придумаю...

И придумал ведь! Подарил ей газовый пистолет, сам для себя патроны покупает, говорит:

– Как приду свинья—свиньёй, стреляй, не жалеи!

Так ведь и стреляет сердешная. Живут, можно сказать, неплохо. Вышли из положения.

А тут и на пистолет не наскребёшь. Оглянешься, – хоть шаром покати!

Зато и грабить нечего. А значит, и не страшно. А ведь сейчас многим страшно... – и нищим, и богатым. Нищим – меньше. Деньги и сытость – зло. Дураки этого не понимают, а умные понимают, но... мечтают разбогатеть.

Вчера обогнала мамашу с малышом, а мальчик и говорит: «Мам, какие мы счастливые, что у нас денежек нет! Никто меня не украдёт и выкуп требовать не будет!»

Мамаша потрепала его по вихрам и усмехнулась: «Ох, и счастливые...»

К восьми утра Елена была уже в издательстве. Вычитывала вёрстку. А оттуда, отпахав карандашиком добрых пять часов, с абсолютно чумовой головой, голодная и измотанная, она всё же отправилась к предмету своих многолетних нереализованных вожделений...

С этим «предметом» Елена вела космическую войну страстей, эмпирических, конечно, припахивавшую то порохом, то фиалками, а то и гробовой доской.

Полтора года назад сия гробовая доска чуть не сделалась реальностью, но спасла, как всегда, – работа, работа, работа... До одури, до озверения...

Предмет вожделения, в полосатой майке с дырой в районе сердца, – не нашими ли заботами? – усмехнулась Елена, – как всегда лабал за монитором домашнего компьютера.

Слегка приплюснутые пальцы его лупили по клавиатуре так, что рыбки в аквариуме подпрыгивали. Елена невольно усмехнулась, когда сообразила, что у Аркаши – аквариум, у соседа – аквариум, и у Предмета тоже – аквариум!

Интересно, а у «этого Игоря» есть аквариум? Если есть, то это уже – эпидемия! Мания величия мужиков заела. Каждому нужен подчинённый мир, в котором хоть какие-то живые существа от него, как от Господа Бога, зависят. Может, это оттого, что им бабы перестали подчиняться?..

Да и трусоват стал мужичёк... Вчера Аркаша пошёл в подвал за картошкой, а там – лабиринты, вода под ногами хлюпает, и все лампочки выкручены.

Представляете, идёт он с вытянутыми руками, и вдруг, ладонь в ладонь, с чужими такими же сталкивается.

Орали оба – минуты две, – сосед оказался. И тот, и другой – весь вечер на валидоле сидели. Ни фонариков у мужиков, ни отвёртки, ни ножа перочинного.

И что время паскудное с сильным полом сделало?..

Или – уработавшиеся вусмерть: только нянька им и нужна, или ещё хуже – слабаки неприкаянные, вечные деточки: так и норовят на женскую шею запрыгнуть. Ни работы у них, ни денег. А значит – и желаний... Бедные мы, бабоньки, бедные!

Кстати, Катькин муж, ну тот, что вешался... Хоть и бизнесмен, а тоже – дитё дитём! Попугайчика ему захотелось! Купил себе ожереловика аж за 200 долларов!

История с изгнанной за «тупоумие» дворняжкой его так ничему и не научила! Так и не докумекал, что любовь, даже собачью, – ни за какие деньги не купишь!

Теперь, видимо, новую завоёвывает – учит попугая говорить. Начал с буквы «а». Вычитал где-то, что – по звукам надо, а не целыми словами. Попугай удивлённо смотрит на него, а хозяин, как заведённый: «А!... А!.. А...»

А ведь раньше, если не пил, молчал неделями. Катька смеётся: «Так кто кого говорить научил?..»

Ладно. У неё хоть такой...

А ведь многие – буквально из ничего себе собирают. Чаше – уж совсем нереальное... А ведь если и нужен мужик, то – живой, тёплый, со всеми недостатками.

Вот афоризм недавно вывела: «Все предыдущие мужчины – лишь для того, чтобы научиться всё прощать последнему...» А интересно, каким он будет – мой последний?

В общежитии, где до сих пор обитал Предмет, пахло не традиционной квашеной капустой, а пищей по-милански. Предмет любил готовить, доказывая тем самым и себе и окружающим, что женщина в наше время – это неоправданная роскошь, и совсем не обязательно эту «роскошь» себе позволять, если есть и другие пути достижения искомого...

– Гад... Но таких гадов и любят – до помешательства, до гибели. Тянет-то к тому, что не даётся! Успокаивает одно: потеряв всё, можно уже ничего не бояться.

Но проехали, проехали, проехали...

Влад, посмотри рассказик... Но без «ты» и «я». Будем считать, что «постороннему «В» – это из Вини Пуха – принесла свой рассказ посторонняя «Б», извини за каламбур, это от Белой. Ведь, если не притвориться немного «Б», кто нашу нудятину читать-то будет?

Предмету она доверяла всецело, за что и бывала бита, морально, конечно, до полусмерти, от чего всё её оскорблённое существо тут же кидалось в творчество и – творило, творило, творило – по паре книжек в год, а то и по три.

«Творяга!» – ласково поругивал её Аркаша, когда бывал в хорошем настроении.

– Творяга, это не от твари, а от творца. Хотя это иногда и совпадает.

Видимо, Предмет, к стыду Елены, был, как и всё вокруг, лишь генератором её буйной творческой фантазии! От этой мысли ей стало не по себе:

– Потребительница я! Качаю, качаю... А на гора что выдаю? Так, бабские измышления... Кто их читает-то?..

Ещё раз обласкав взглядом вожделенный затылок, она прикрыла за собой дверь, и направилась на общежитейскую кухню за чаем. Там, изрядно поморщившись, ей пришлось выгнать из чьей-то сахарницы здорового таракана, бессовестно отряхнувшего ноги прямо в чайную ложку.

Всё же плеснув себе кипятку из первого попавшегося чайника, их тут было шесть, Елена сделала пару глотков. От страсти она всегда высыхала как верблюжья колючка.

– Заварки нет... Прячут жадюги. Скоро все жадюгами станем!

Чёрт-те-что делается в стране. Учителя и инженеры на рынке торгуют, по электричкам газеты разносят, сторожат, дворничают. А те, что уже на пенсии, – в магазине селёдочный рассол выпрашивают: хлебушек помакать, у овощных палаток из бачков капустные листья выуживают да бутылки по скверам собирают!

А ведь, разрушая настоящее, мы делаем бессмысленным прошлое и теряем всякую надежду на будущее...

Уф... И чего это меня опять понесло?.. – Брезгливо передёрнула она плечами. – Прямо – статья газетная! А газетный стиль – смерть для творца.

Хотя, если пофилософствовать... Давно заметила, что в порядке: ну, когда – всё по полочкам разложено, хоть убей, никакого простора нет – ни для действий, ни для размышлений. Мысль как по ниточке течёт... А в смуте – есть. Там сознание уже – пучком или даже – взрывом! Может, для того и мутят, чтоб хоть что-то новенькое проклюнулось?..

Но и философия – не мой хлебушек... Не мой!

Скрипнув половицей, на общежитейскую кухню прокрался, судя по облезлости, тоже общественный котяра и сразу же запрыгнул на холодильник. Перекошенная дверца вывалилась, повиснув на одной петле, и кот, заглянув внутрь, вполне отчётливо произнёс: «Умр-р-р-у...»

– И я... – вдруг согласилась Елена, и, оставив на чьём-то столе недопитый стакан, ринулась вниз по лестнице.

Неловко боднув дверь на выходе, она опалело потёрла ноющее колено. – И зачем приходила?.. Лечиться надо! Вот и – вся любовь...

А стакан-то... надо было убрать! Непременно свара начнётся, а кто зачинщик?..

Хуже непрошеного гостя – только замороженный хам, хотя, в данном случае и не совсем замороженный...

Укутав нос в воротник, она опять ушла в размышления:

– А ведь Аркашка-то... – припомнив вдруг его напыщенный дурацкий вид, невольно ухмыльнулась она, – явно кого-то себе завёл: постригся, нагладился, и уже целые сутки – трезвый! А вчера, когда жарил яичницу, конечно же, из «моих» яиц, даже улыбался...

Вот уже лет восемь, включая и три после развода, Елена пыталась выдать мужа «замуж».

– Женить такого невозможно, никакой инициативы...

А вот выдать за жену – можно. Не дурак, зарабатывает прилично, и внешность, когда умоется, – очень даже ничего! Пил бы поменьше...

Во вторник, наконец, позвонил «этот Игорь»... Лена вынесла его рукопись, но он усадил её в машину: «Покатаемся?»

– А почему бы и нет? Семеро по лавкам не плачут. Сначала хотела детей, не получалось. А потом – зачем они от алкаша?..

Ездили, молча, до темноты. Город, казалось, ссутулился под тяжестью тяжёлых осенних облаков. Витрины магазинов всё ещё радостно пялили на прохожих свои квадратные, уже слегка зарёванные, глаза.

– Ну, вот... Наконец, и дождь... – отметила про себя Елена. – Да приличный какой!

А иномаркам – хоть бы хны. Шныряют, при полном отсутствии видимости, по три в ряд, да ещё и – цепью! Вот где деньжищи-то... Но ведь, как наживались, вернее, воровались, – так и улетят... Настоящие богатеи на таких не раскатывают, экономят! Оттого и – богатеи.

Не верю я в русских миллионеров. – Невольно отмахнула она рукой. – Другие у наших – и цели, и счёты, и ценности: волюшка – во главе угла!

Пожируют, пожируют, да и пропьют всё, или на баб спустят: ведь от злого радения добра не бывает... А как «ням-ням» захочется, опять коммунизм строить начнут или в другие «высшие» материи ударятся.

А вот – нерусские, это уже другой разговор. Этим – вперёд, и с вымпелом! Но ведь оглянутся когда-нибудь, а жизни-то и не было, – один вымпел...

Её вдруг сильно трянуло, и Елена обнаружила, что едут-то они уже пригородом, вернее, грязными всклокоченными пустырями за ним. Потом машина Игоря вырвалась на бетонку и бесшумно понеслась вдоль полей и узких, уже облысевших к зиме лесополос.

Лена любила быструю езду. Раньше, когда Аркаша был ещё трезвенником, они частенько ездили за город, просто так, чтобы ощутить скорость и окрестные просторы.

Казалось, глаза пили дорогу, впитывали её, и она с бешеной скоростью сматывалась в той части мозга, которая, скорее всего, и ведала генной памятью.

– Ведь кто-то из предков уже любил всё это, мы – теперь, а наши дети и внуки непременно полюбят потом, даже если родятся за границей, кровь-то – одна!

Странно, но любовь к Родине охватывала её с наибольшей силой именно в минуты этого, в общем-то, совершенно бессмысленного движения: то, будто во сне, – по полузаброшенным деревням, мимо обветшалых церквей, сараев, погребов и бесконечно тянущихся изгородей, летом – с мальвами и золотыми шарами, а зимой – со смёрзшимся застиранным тряпьем.

Она любила с ветерком промчаться по бетонке! Или – медленно тащиться по просёлочной... А то и – безрассудно вилать по канавам меж сельмагами и пивными палатками, этими «культурными» центрами на селе, возле которых непременно кучкуются по трое старички,

осчастливленные хоть какой-то пенсией, и ещё не сбежавшие в город механизаторы, увы, без всякой денежной наличности!

Сия несправедливость в распределении «общечеловеческих ценностей» к ночи уж точно закончится мордобоем и бабьим визгом.

Вперёд, вперёд... Мимо рабочих посёлков, утыканных бесцветными коробками двухэтажек, мимо почему-то железобетонных остановок – ведь не дзоты же? – внутри расписанных неприличными словами, а снаружи расстрелянных местной шпаной из поджиг. «ТТ» и «Макаровы» – это уже ближе к столице.

Или – вмиг пропорхнуть мимо одиноко стоящих в сторонке школ, в которых учителя уже боятся своих учеников, а ученики – подкрадывающейся нищеты...

И всё – мимо и мимо... И почему-то никогда – куда-то именно. Казалось, душа пила это бесконечное, слава Богу, ещё ничьё – а может, и не, слава Богу, поди, теперь разберись – пространство и никак не могла напиться.

Процесс этого «пьянства» завораживал. И опьянение надолго задерживалось в скрюченных от напряжения мизинцах, в разгорячённых мочках ушей и в пропахших стылым ветром всклокоченных прядях.

Хотите, верьте, хотите, нет, но Елена так ушла в свои размышления, что вспомнила об Игоре только, когда машина притормозила у её дома. Единственная фраза, которую он произнёс, была: «С вами жарко ездить!» Расстегнув куртку, он хлопнул дверцей и умчался в неизвестном направлении.

– Мне и самой с собой жарко... – вздохнула Елена, ворочая ключом в чёрной дыре замочной скважины.

Ну а завтра опять была лит. учёба, в общем, и не учёба, а так... – желание попробовать себя на вкус чужими глазами.

Заглянул С. Куняев. Потянуло в родные места теперь уже столичное светило. Но ведь здесь, дома, всё – по-прежнему, почти по-семейному. Заспорили... Мол, сильна его последняя поэтическая книга, только любви в ней – маловато...

– Как? – удивился он, – а вот это? И это... И это!

– Нет... Любовь – это полная самоотдача, а ваш литературный герой только – берёт! Разглядывает на ладошке, оценивает, и бережно складывает в поэтический «сундучок».

– А, может, и нельзя сразу двум богам служить, – мысленно вздохнула Елена... – ведь даже в минуты полной физической близости, когда и глаза, и даже душа – слепы, писательский механизм всё ещё продолжает «брать на карандаш» и внутреннее, и внешнее, да и то, что выше...

Потом молодую, неопытную обсуждали, напрепирались всласть! Считает себя гениальной, да ещё и напор, как у бульдозера. Есть у неё строка: «Уехать бы в Лондон, и в Темзу нырнуть...».

– И мне бы! – вздохнула Елена. – Хотя... Меня отсюда – никаким бульдозером! Здесь и помру, как Гумилёв, где-нибудь под сосенкой, под грохот грузовых составов...

Счастье-то какое – дома, среди своих.

И как только эту эмиграцию выносили? Там же ничегошеньки нашего, всяк – за себя, да ещё и в одиночку! А тут мы все, как рябиновые бусы: хоть убей, – красненькие, особенно за бутылкой, ведь после пары стопочек – всё друг дружке братья да товарищи, да ещё и одной иглой – на общую нитку нанизаны!

А вы – жёлтые, белые да коричневые, не спешите возмущаться. Вглядитесь в себя поглубже! Не помогло? Тогда ещё – по стопочке... Ну, вот... То-то же!

У нас ведь – здесь... Что бы ни было – тишина ли мёртвая, гвалт ли несусветный – а отойдешь в сторонку, прислушаешься:

– У-у-у... – Стон ли?.. Зов ли? Так и пронзает из края в край – это она, мамка наша, Русь-матушка, губу прикусив, на иголку этого «у-у-у...» всех нас нанизывает.

Никого не пропустит. Потому, что любит. Так куда ж от любви ехать-то?..

– Кстати, вчера, в лит. театре, что при доме культуры, с новой силой это почувствовала. – Вздохнула Елена – И не хотелось... А поручили – в спектакле «Лебединый стан», по поэме Цветаевой, заболевшую актрису подменить. Причём, сердечный приступ у неё прямо перед премьерой случился. Видно не всем и безопасно такое – сердцем прочесть:

«Белый был – красным стал:

Кровь обагрила.

Красный был – белым стал:

Смерть побелила».

Режиссёр театра долго убеждала: мол, свои стихи помнишь, значит, и шесть Марининых за ночь выучишь!

Сопротивлялась Елена, как могла: ведь не актриса – поэт!

А режиссёр опять за своё: «Здесь поэт и нужен! Только он – по-настоящему поэта почувствует. У вас, пишущих, даже манера читать – другая, не актёрская». Пришлось согласиться.

Но как же трудно оказалось... Нет, не выучить, а донести со сцены эти стихи – со всей преданностью, со всей любовью, в общем, как свои. Теперь стыдно, конечно, а тогда не согласна была Лена с некоторыми строфами, не ложились они на душу, казались то выпренными, то надуманными...

В общем, не её это было! Так и просидела до утра, вся в противоречиях. Что же делать-то? Фальшивить? Не простит Марина! – Поминутно упиралась она глазами в текст. – Ведь если бы я на её месте была, тоже б не простила.

И вот – Еленин выход. Идёт она через тёмный, полный народу, зал в белом полупрозрачном балахоне с капюшоном – наряде лебедя, и вдруг чувствует, исчезли все её сомнения, как рукой сняло. Любовь вдруг ко всем пришедшим на спектакль охватила и ещё гордость за Марину: что почитают её так!

А главное – вера в правоту её живую. Вскинула Елена руки, то ли свои, то ли уже Марины, и будто цветком расцвела, её цветком. Её губами говорила, её сердцем полыхала...

А после спектакля сели все актрисы-лебедихи действие отмечать, зажгли большую премьерную свечу, разлили шампанское. И тут видят, что свеча-то как-то странно оплавилась, и в статуэтку превратилась...

Вылитая Цветаева в спектакле: тот же балахон с откинутым капюшоном, та же гордая посадка головы с порхающей прядкой у виска.

– Глядите! – ахнула Елена, – Сама пришла!

Все и онемели. А режиссёр быстренько свечу загасила, в папиросную бумагу, и – в коробку: на случай, если кто-то не поверит. Ходили потом неверующие, смотрели...

На следующий день народу в лит. курилке было опять – битком!

Тут – самые разговоры, более открытые, раскованные. Даже некурящие заходят чужой дым поглотать.

Пассивное курение. Пассивная жизнь... Пассивное творчество! Хотя, какое оно тогда творчество, чёрт его побери?! – нервно смяв пустую пачку из-под «Явы», Елена навесом отправила её в урну – попала!

Может, от слабости эта пассивность? Не физической – духовной. Наследственная усталость...

Хотя, сегодня... – нервно передохнула она, – уж точно сильный приезжает!

У нас в поэтических кругах его живым памятником величают. Это какую же силу надо иметь, чтобы, пусть и мысленно, такое сотворить...

«Я скатаю родину в яйцо.
И оставлю чуждые пределы,
И пройду за вечное кольцо,
Где в лицо никто не мечет стрелы.

Раскатаю родину мою,
Разбужу её приветным словом.
И легко и звонко запою,
Ибо всё на свете станет новым».

Обновить целую страну – до яйца, до первоначала, да и вынести – из всего этого... Как же любить её надо, любую, даже теперешнюю. Не просто жалеть, а всей кровью радеть – за потомков, за будущее.

А вот... и он! Сразу набегали все, как вокруг светоча собрались. Книжки за автографами тянут. Одна поэтесса встала на цыпочки:

– Я вам стихотворение написала...

– О чём?

– О любви.

– О любви у меня уже есть... – «...давай тебе рубашку постираю, и хлеба принесу, и молока...» Я его частенько на семинарах цитирую.

– Так это же – наша Елена...

– А где она?..

И тут слышит:

– Лен, иди сюда... Тебя Кузнецов зовёт!

Подошла.

– Так вот, ты какая... – берёт за руку, отводит в угол. Два стула сиденьями к стенке повернул. Сели ко всем спиной.

– Ну, рассказывай... Как живёшь?..

– Как все.

– О любви написала... А в жизни любила кого-нибудь, ну так, чтобы – край?!

– Не знаю... – говорит.

– Вот и я... – не знаю. Ох, и дура, ты!

– Дура, – соглашается, – круглая...

А он вдруг улыбается и говорит:

– Совсем, как я....

Вскоре и остальные подошли. Пришлось стулья развернуть и общий разговор поддерживать. Но Елена всё-таки – бочком, бочком, и в сторону. Ведь всё главное уже сказано.

А своим уже потом объяснила, что вычитала где-то высказывание Кузнецова о поэтессах, в общем-то – нелестное.

Мол, истинные поэты в стихах – с Богом говорят, а поэтессы – со своими мужиками... Крепко, мол, зацепило. Вот и написала:

Ты с Богом говоришь... А я – с тобой.
Но нам, двоим, увы, не отвечают...
Пока ведёшь с собой неравный бой,
давай тебе рубашку постираю...
И хлеба принесу, и молока,
а если, утомившись, ты задремлешь,
укрою облаком, спустив его на землю:
ведь разве не за этим – облака?..
Склонюсь на миг, прислушавшись к дыханию,
и выйду, тихо двери притворив.
И только тут моя пора настанет
с Всевышним... о тебе поговорить.

Мол, сильны вы, мужики, – но что бы вы без нас делали?.. В общем, спор затеяла... Пусть и ласковый, но спор!

Глядит, не верят ей: мол, темнит...

Но он-то понимал, о чём она... А другим и не обязательно.

– Потом, уже за шампанским, попросил прочесть ещё что-нибудь. Она и прочла:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.